

Развитие нарративной практики в России

Нарративная практика пришла в Россию в начале 2000-х годов в контексте обучающих программ по семейной терапии и сразу нашла отклик у многих практикующих психологов. Одних привлекала подчеркнута уважительная позиция по отношению к клиентам, признание людей главными экспертами в их жизни, отказ от любых форм стигматизации, патологизации и нормирования. Других воодушевила идея отделения проблемы от человека, ставшая визитной карточкой нарративной практики: "Проблема не в человеке, проблема в проблеме". Для кого-то привлекательной оказывалась сама метафора нарратива - истории или повествования, - положенная в основу подхода. Эти особенности нарративной практики вызвали интерес к ней не только психотерапевтов и психологов-консультантов, но и социальных работников, сотрудников общественных организаций, помогающих людям, особенно тем, кто подвергается различным формам дискриминации в нашем обществе.

Сотни специалистов прошли обучение в длительных программах, тысячи – познакомились с ним на разовых семинарах или в контексте обучения семейной терапии. Можно предположить, что на сегодняшний день большинство практикующих психологов знает о существовании нарративной терапии. Каждую весну и осень в Москве проводятся конференции по нарративной терапии и работе с сообществами. И если для первой конференции в 2011 году для всей программы хватило одного вечера, то на весенней конференции в этом году мало было и полутора дней, в которые организаторы вместили более 20 воркшопов (12). Сообщество нарративных практиков развивается, у людей появляется свой опыт, которым они готовы делиться с другими коллегами.

Важнейшим ресурсом развития был и остается сайт "О нарративной практике на русском..." Возможно, это сайт с самым большим количеством материалов по нарративной практике, выложенным в открытый доступ! (7)

Этот номер Журнала практического психолога - еще один шаг в развитии сообщества и нарративных идей на российской почве. Впервые выходит журнал по нарративной терапии, полностью состоящий из материалов русскоязычных авторов, статьи в котором затрагивают самые разные темы. Нарративный подход не только посеял в людях вдохновение, но и уже дал всходы в виде нового опыта, которым они готовы щедро делиться с другими.

Некоторые специалисты познакомившись с нарративной практикой, сразу опознают ее как «свою», отвечающую их чаяниям и надеждам, дающую то, что они не находили в других подходах. Правда, многие из них, имея за плечами опыт работы в других подходах, в том числе – успешный, встречаются с проблемой интеграции старого и нового. Часто это оказывается непростой задачей, поскольку в основании подходов могут лежать очень разные представления о человеке и проблеме. Эта разница оснований не всегда сразу становится очевидной. Например, нарративную практику видят как родственную гуманистической терапии, упуская из виду важное расхождение в представлении этих направлений о природе человека. Если в гуманистическом подходе есть представление о истинной природе человека, которая может проявиться благодаря процессу терапии и безусловному принятию со стороны терапевта, то в нарративная терапия полагает, что идентичность человека складывается в процессе социальных взаимодействий, в культурном и политическом контексте, и нет истинной природы человека, которую можно "открыть" или найти (White, 2004).

Другие профессионалы видят в нарративной практике эффективные способы решения определенных профессиональных задач, таких как, преодоление сопротивления, построение партнерских, не обвиняющих отношений, что особенно важно в работе с

недобровольными и направленными клиентами. Так, идея отделения проблемы от человека – экстернализация, - получила широкое распространение в терапевтической практике во многом благодаря нарративному подходу (Шлиппе, Швайтцер, 2007).

Не так давно появился круг молодых специалистов, для которых нарративная практика стала первым шагом в пространство консультирования, психологической помощи. Часто они узнают о других подходах только в контексте их критики с позиций пост-структурализма и социального конструкционизма. Для них может возникать вопрос: а нужно ли знакомиться с другими подходами в принципе, или можно сразу развиваться в качестве «чистого» нарративного практика?

Начиная знакомиться с нарративной практикой, я сразу увидел ее как откликающуюся на мои поиски своего подхода в психологической помощи. Предлагаемые ей формы работы, отношение к людям и проблемам открывали пространства для взаимодействия с клиентами там, где раньше виделись тупики. Это было уважение, воплощенное в действии (Москвичев, 2010). Для меня важно было обращение к вопросам социальной справедливости, признание значимости социального контекста. В это время я работал с семьями в кризисных ситуациях, к которым прочно прикрепились ярлыки «дисфункциональных» и «неблагополучных», «сопротивляющихся» и «не мотивированных на сотрудничество». Нарративная терапия открыла новые возможности для помощи семьям, попавшим в трудные и кризисные ситуации, дала вдохновение для этой работы.

Тем не менее, мне было не просто ясно сформулировать в чем же специфика нарративной практики по отношению к другим подходам и направлениям терапии? Насколько она совместима с ними? Где проходят границы разделения, а где можно найти пересечения и совпадения в ценностях, методах, идеях? Часто рассказывая о нарративной терапии коллегам, я встречался с высказываниями: "А, понятно, ну это также как в ...", - и на этом месте назывался тот или иной подход. И я действительно мог видеть сходства и пересечения. Наверно, было бы более удивительно, если бы их не находилось. Находить сходства было приятно, поскольку обычно эти разговоры возникали с людьми, работавшими в этих других подходах, и они, тем самым, давали признание нарративной терапии. Мне не хотелось обижать людей, опровергая их находки, но, в то же время, мне важно было обозначать различия, ведущие к увеличению разнообразия и расширению возможностей психологической помощи.

Девид Денборо, в течение многих лет работавший вместе с Майклом Уайтом, говоря о его наиболее значимых вкладах в развитие терапии, выделяет четыре принципа, которые Уайт всегда реализовывал в своей практике:

1. Отказ от вовлечения в патологизирующие людей практики и противодействие им;
2. Вызов концепции нормальности: Уайт искренне полагал, что невозможно определять людей и здоровье с позиции "нормальности". Он вносил вклад в различия, а не в соответствие нормам;
3. Вне зависимости от степени трудностей или дезориентации, которые переживал человек, Уайт никогда не отказывался от позиции равноправного сотрудничества с ним;
4. Уайт отказывался отделять политику и привилегии от терапии, поскольку если считать, что вопросы класса, гендера, расы, сексуальной ориентации влияют на идентичность, то политика присутствует в каждой терапевтической встрече (Denborough, 2014).

Полагаю, в этих принципах нашли отражение наиболее значимые особенности нарративной практики. В своей статье в этом журнале обращаю внимание на специфику нарративной терапии и работы с сообществами, и связь этой специфики с контекстом возникновения и развития нарративной практики, ну и, конечно, с личностями людей, ее развивающих.

Возникнув в Австралии в контексте социальной работы, феминизма, квир-движения, постмодернистской критики и конструкционистских проектов, нарративная

практика пришла на нашу почву в рамках семейной терапии и частной практики. Был и остается шанс, что в условиях укрепляющегося государственного контроля, реставрации традиционализма, торжества экспертных позиций, нарративная практика потеряет свою специфику и станет одним из удобных методов индивидуального и семейного консультирования. Возможно, со своими изюминками, позволяющими легче строить отношения сотрудничества, в том числе с подростками и супругами, скептически настроенными по отношению к психологической помощи, но не открывающей новые пространства. Однако идеи нарративной практики откликнулись в более широком контексте, дав надежду там, где другие психологические и психотерапевтические подходы оказывались не достаточно эффективны. Нарративная практика предлагает в любой ситуации видеть историю с двух сторон: если есть история дискриминации, социальной несправедливости, психологической травмы, есть и история сопротивления, выживания, реализации людьми своей способности влиять на собственную жизнь, в том числе - через объединения в сообщества.

Статьи в этом выпуске позволяют увидеть как сохраняется и развивается специфика нарративной практики в российском контексте, какие возможности она открывает для психологической помощи.

Российский контекст

Среди значимых обстоятельств можно обозначить неразвитость практики социальной работы, малое влияние социальных движений на общество, в первую очередь - феминизма и ЛГБТ-движения, подозрительное отношение к коллективизму и сообществам, а также доминирование представлений, связанных с иерархией и властью, которые распространяется в том числе и на профессиональные сообщества.

Социальная работа в советское время свернулась до социального обслуживания. Поскольку Советский союз претендовал на звание государства социальной справедливости, все социальные проблемы, в том числе бедности, безработицы, алкогольной и наркотической зависимости, сиротства, представлялись как пережитки буржуазного общества, а люди, встречающиеся с этими проблемами становились "асоциальными элементами", которые нуждались не в защите, а перевоспитании и контроле. Обсуждать проблемы было так же неприято, т.к. в условиях конкуренции с западными странами наличие социальных проблем делало уязвимым основной тезис о советском государстве (Шанин, 1997).

Возвращение социальной работы произошло только в 1991 году. Социальные работники и педагоги появились в штате многих учреждений, но и их подготовка, и их позиция, остались под влиянием советских представлений об "ущербности" или даже "асоциальности" клиента или его семьи, и необходимости привести его в соответствие с социальными нормами (Москвичев, 2014). Эти тенденции существовали и в западной социальной работе, о них писал Фуко в труде "Надзирать и наказывать" (Фуко, 1999). Но там они выносились в пространство обсуждения, возникло движение, получившее название критическая социальная работа (Allan, Pease, Briskman, 2003).

Похожая ситуация сложилась в нашей стране и с феминизмом, превратившемся в ругательное слово, обозначающее тех женщин, которые не соответствуют доминирующим у нас стандартам женственности, но при этом претендующим на какое-либо социальное признание (8, 15). Поскольку в соответствии с советской доктриной женщины в СССР, как и другие социальные группы, обрели равенство, то борьба за права женщин стала невозможной, поскольку подвергала сомнению политическую линию партии. Так, 8 марта из дня борьбы за права женщин превратился в женский праздник, закрепляющий традиционную женскую роль в патриархальном обществе. Наличие женщин во власти не приводит к постановке проблем женского неравноправия, женщины реализуют мужскую повестку. Не боролись за права женщин и диссиденты, будучи сосредоточены на сопротивлении государственному давлению в общем (15)

Не удивительно, что феминизм почти не повлиял на отечественную психологию и психотерапию, а доминирование индивидуалистических взглядов в психологической помощи на сегодняшний день, приводит к тому, что женщины, заявляющие эту проблему, рассматриваются как "имеющие психологические проблемы". Правда, в контексте семейной терапии звучат голоса терапевтов в поддержку женщин, но активно феминистская позиция не заявляется. Возможно, со временем, нарративная практика может стать тем подходом, который поддержит феминистское движение в России.

Еще в более трудной ситуации оказались люди, относящиеся к ЛГБТ-сообществу, поскольку вопросы сексуальной ориентации вошли в пространство большой политики, и в качестве одного из идеологических конструкторов нового времени была выбрана "традиционная семья". В результате принятия закона "о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений" любое заявление психолога о "социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений" становится нарушением закона (13), и уже есть прецеденты применения этого закона по отношению к психологам, в частности - дело Елены Климовой, приговоренной к штрафу за создание группы поддержки для ЛГБТ-подростков. Таким образом, то, что Уайт называл "политикой с маленькой буквы "п", в нашем контексте может попадать в сферу большой политики.

Интересна судьба постмодернизма в условиях нашей страны. С одной стороны, конструкционисты ссылаются на работы Выготского и Бахтина, видя в них первых вестников нового мировоззрения (Джерджен, 2003). Но для самой России их тексты открылись в средние 80-х годов XX века. Труды Витгенштейна, Фуко, Деррида, Джерджена сейчас вполне доступны на русском языке, но они не приводят к "лингвистическому" перевороту, по крайней мере в сфере психотерапии и психологической помощи. Эти влияния больше ощущаются в семейной терапии, но и здесь легко увидеть большую популярность классических идей, господствовавших в семейной терапии в 70-80-е годы прошлого века. К тому же сама семейная терапия пока очень далека от того влиятельного положения, которое она занимала в странах Европы и США, значительно уступая индивидуально-ориентированным подходам.

Возможно, это связано с долгим доминированием представлений об объективном научном методе, которые распространялись, в том числе, на социальные науки и психологию. Конечно, доминирование модернизма было характерно и для западных стран, но в нашем контексте это было усилено политическим контекстом, устранившим возможности заявления альтернативных мнений.

Отмечу еще одну особенность, важную в контексте развития нарративной практики в России. Это отношение к сообществу, коллективу. В нашем обществе получили широкое распространение идеи об общинном сознании, свойственном народам России, где ценится коллективизм, взаимовыручка и солидарность. Эта особенность противопоставляется индивидуализму западных стран, где в качестве идеала описывается автономная, независимая, самореализующаяся личность. Нарративная практика обращала внимание на ограничения индивидуалистического представления о личности, и уделяла внимание другим традициям, культурам, где были представлены коллективные практики реагирования на проблемы (White, 2004). Дэвид Денборо говорит о повсеместном распространении индивидуализма американского образца, и как альтернативу этой экспансии предлагает развитие коллективных практик (Denborough, 2008). Казалось бы, эти идеи должны встретить живой отклик в нашей стране, но этого не происходит. Напротив, популярность приобретают идеи личной независимости и автономии, по крайней мере, среди психологов и людей, обращающихся к ним за помощью в рамках частной практики.

Могу предположить, что это связано с историей России в XX веке, когда принудительная коллективизация лишила миллионы людей частной жизни. Конечно, я имею в виду не только образование колхозов и совхозов. С самого детства людей

принудительно включали в общественные и политические организации и объединения: октябрята, пионерия, комсомол, общество красного креста, профсоюзы. Личная жизнь могла разбираться на партийных и производственных собраниях, отделение от коллектива рассматривалось почти как измена Родине. Возможно, именно поэтому идеи объединения в сообщества, поиск коллективного ответа на проблемы, может вызывать подозрение, и восприниматься как отказ от совсем недавно обретенной возможности индивидуальной свободы.

Об этом же говорит Дарья Кутузова, на слова которой ссылается Денборо, что в тот период нашей истории часто использование слова "мы" означало отрицание уникальности человека (Denborough, 2008, с. 183). После этого разговора, он делает акцент, что вместо придания ценности социально-ориентированному языку в противовес индивидуалистическому, мы можем просто обращать внимание на то, кто получает привилегии при нашем способе работы и какие эффекты проявляются в определенных обстоятельствах (там же). Нетрудно заметить, что индивидуалистическая перспектива дает преимущества людям, имеющим больший доступ к ресурсам, в первую очередь, гетеросексуальным мужчинам среднего класса, относящимся к доминирующей этнической группе.

Вторая история

Не смотря на трудности развития социальной работы, особенно ярко проявляющиеся в государственных учреждениях, островки социальной работы возникли, и сохранились до настоящего времени в некоторых негосударственных организациях, оказывающих помощь семьям в кризисных ситуациях, женщинам, подвергающимся насилию, наркопотребителям, людям с ограниченными возможностями здоровья и другим группам людей, попавшим в проблемные ситуации или встречающимся с дискриминацией. На этих островах оказалась востребована нарративная практика, открывающая новые возможности помощи людям в ситуациях крайнего недостатка ресурсов, в том числе - стигматизации со стороны государства и общества.

Нарративный подход открыл новые возможности помощи семьям подростков в кризисных ситуациях (Москвичев, 2014). Не обвиняющая позиция, вынесение проблемы за пределы не только личности, но и семьи, обращение внимания на социальный и культурный контекст, позволило не только строить сотрудничество там, где раньше виделось сопротивление, но и помогать людям, родителям и подросткам, восстанавливать авторство в своей жизни.

В своей работе в организации "Общественный вердикт", направленной на помощь пострадавшим от произвола милиции, Дарья Кутузова обращалась к ресурсам нарративной практики в работе с психологической травмой и последствиями насилия. Она делала акцент на важности второй истории, истории усилий, которые человек предпринял, чтобы выжить и уменьшить для себя ущерб от перенесенных унижений и насилия (Кутузова, 2008, с.11). Также в этом материале Дарья дает пространство для голосов тех людей, которым она помогает, что также является важной характеристикой нарративной практики. В настоящий момент эту работу продолжает Светлана Яблонская, координатор программы психосоциальной реабилитации пострадавших от произвола БФ «Общественный вердикт».

Арсений Павловский описывает свой опыт работы с потребителями наркотиков на улице. Поскольку далеко не всегда в этих условиях можно выстроить продолжительный контакт, и, более того, общение на улице мало похоже на консультацию, Арсений обратился к терапевтическим письмам, которые оказались очень важны для участников проекта. Сейчас проект "Снижение вреда-Москва" продолжается, его сотрудники стали регулярными участниками нарративных конференций. На мастер-классе "Моменты позитива" они представляли свой опыт использования фотографий, сделанных потребителями наркотиков о своей жизни, как возможности увидеть уникальные эпизоды,

моменты позитива, в их историях о себе. На последней конференции была представлена газета "Шляпа и баян", издающаяся для наркопотребителей и с их собственным участием в качестве авторов и художников. Газета становится не только поддержкой в решении многочисленных проблем, присутствующих в их жизни, от здоровья до насилия и дискриминации, но и возможностью организации сообщества как ответа на проблемы. (18)

В условиях возрастающего в последние годы дискриминационного давления на ЛГБТ-сообщество, в России возникло и развивается ЛГБТ-движение, объединяющее различные организации и инициативы (9). ЛГБТ-движения не ограничиваются защитой прав и интересов ЛГБТ-граждан, включая в себя действия, "направленные на "искоренение гетеросексизма, гетеронормативности, гомо- и трансфобии". Это работа в сфере ценностей, идеалов, жизненных принципов, психологических установок и т.п., что отражается в дискуссиях, которые ведутся вокруг гомо-, бисексуальности, трансгендерности и положении ЛГБТ в обществе" (Созаев, 2010). Психологическая помощь также становится одной из важных тем: организуются группы поддержки для трансгендеров, однополых родителей (11) и других людей, сталкивающимися с проблемами гомофобии и дискриминации.

Не удивительно, что нарративная практика, которая позиционируется как одна из самых дружественных терапевтических систем по отношению к ЛГБТ-сообществу (Кутузова, 2010), оказывается востребована в этом контексте. Обращаясь к ресурсам сообщества, она помогает людям объединиться и дать коллективный ответ на проблему, увидеть социальный, культурный и политический контекст, поддерживающий ее существование. В этом номере мы поместили статью Валерия Созаева, посвященную проявлениям гетеросексизма, ведущим к дискриминации ЛГБТ-людей, и возможностям его деконструкции. Отвечая самим себе на вопросы, предлагаемые Валерием, специалисты могут увидеть свои "слепые пятна", и найдут способы быть полезными, встречаясь с людьми, чья сексуальная ориентация или гендерная идентичность отличны от их собственной.

Не смотря на последствия, вызванные принудительным коллективизмом, в нашей стране всегда присутствовали и неформальные объединения, которые позволяли людям сопротивляться государственному давлению и решать повседневные проблемы. От разговоров на кухне до кружков диссидентов, коммунарское движение и религиозные общины - все это были коллективные ответы на формализацию жизни. Как только появилась возможность создавать общественные организации, люди, объединенные общими проблемами стали объединяться. Это и родители, воспитывающие детей с ограниченными возможностями, ветераны войн нового времени, волонтеры, помогающие детям, представители ЛГБТ-сообщества и многие другие. Именно здесь нарративная практика может оказаться не просто востребованной, но незаменимой.

Значимые возможности для развития сообществ открыл интернет. Люди, встречающиеся с дискриминацией, ощущающие свою уязвимость, получают возможность говорить о своем опыте, находить людей в схожих обстоятельствах, получать поддержку. Не случайно, что две статьи в журнале посвящены он-лайн проектам. Дарья Кутузова рассказывает о своем опыте преодоления депрессии с помощью организации проекта "Исследование депрессии". Особую ценность этой статье придает инсайдерский опыт, когда автор пишет о том, через что сам прошел. В другой статье интернациональная команда, включающая Ольгу Герасименко (Эстония), Валентину Гусеву (Россия), Дарью Кутузову (Малайзия) и Jay Koes (Канада), на опыте четырех разных проектов анализируют возможности, открываемые этим форматом, и в то же время обозначают условия, на которые полезно обратить внимание организаторам он-лайн проектов. Они делают акцент на том, что помогая людям из стигматизированных сообществ, мы встречаемся с проблемами, коренящимися на социальном уровне, а значит и ответ должен быть коллективным. Он-лайн проект может стать одним из вариантов такого ответа.

Влияние постмодернизма и нарративной практики на терапию исследуется в статье Елены Гребенюк, в которой она обращает свой взгляд на пространство телесности в

психотерапии. Тело традиционно рассматривалось как территория биологии, физиологии. Что меняется в терапии, когда тело видится в пространстве социума и культуры, когда снимается дуализм души и тела? Взгляд через эту призму приводит Елену к выводу, что "телесная осознанность – это политический акт".

Важный момент в нарративной практике - это готовность снова и снова задавать вопросы к самой себе. Этот аспект ярко проявляется в статье Марата Хачатряна, в которой он задается вопросом: кому мы задаем вопрос во время терапевтической сессии, если идентичность - это жизненный клуб, постоянно меняющийся в процессе отношений? Отвечая на этот вопрос, он находит новые метафоры и возможности для психологической помощи.

Важным моментом для развития нарративной терапии, на мой взгляд, является обращение к ее специфическим особенностям даже в индивидуальной работе. Данила Гуляев обращается к теме, казалось бы сугубо индивидуальной - привычные, рутинные действия, приносящие человеку страдания, например - привычка есть чипсы перед телевизором. Взгляд на эту ситуацию не просто как на "дурную привычку", а как на социальную практику, позволяет не только по-другому увидеть проблему, но и открывает новые возможности ответа на нее.

Нарративная практика, с момента своего возникновения предлагала множество возможностей помощи детям. Олеся Симонова и Елена Баскина продолжают эту традицию, обращаясь к нарративным средствам для помощи детям, встречающимся со страхами. Еще одним интересным моментом этой статьи является попытка интеграции разных подходов на основе предпочитаемой в нарративной терапии позиции консультанта - децентрированной, но влиятельной.

Две статьи номера посвящены помощи подросткам. Никита Кемниц и Алексей Жигач обращаются к коллективным нарративным практикам, помогая подросткам исследовать себя в ситуации конфликта и найти свой предпочитаемый образ действий, с опорой на свой собственный жизненный опыт и на опыт других участников группы. В другой статье Анастасия Крысько ищет возможности эффективной помощи подросткам, которые встретились с психологом не по своему желанию, а по направлению Комиссии по делам несовершеннолетних, суда или другого социального института. Следуя за интересом своих клиентов, Анастасия открывает метафору супергероев, или суперзлодеев, позволяющую перейти к разговору о том, что ценно и важно для подростков в их жизни.

Завершают этот выпуск четыре эссе, написанные выпускниками курса "Нарративный подход в психологическом консультировании". Каждый автор описывает свой опыт знакомства с нарративной практикой, делает акценты на разных идеях и эффектах. Объединяет же эти эссе то, что обучение нарративному подходу повлияло не только на профессиональную сферу, но на все стороны жизни и отношений.

Надеюсь, это сборник статей, посвященных нарративной практике, станет первым в череде последующих журналов, в которых люди будут делиться своим опытом, искать, обсуждать, задавать вопросы. Для меня ценно, что нарративная практика развивается на нашей почве, и не только сохраняет свою специфику, но и обогащается новыми идеями. Условия нашей страны в настоящий период ее развития дают богатую почву для открытия новых возможностей помощи людям, проявления солидарности, объединения в сообщества поддержки. Если эти находки будут оформляться в статьи и воркшопы на конференции - мы обречем бесценный источник творчества и вдохновения!

Литература:

1. Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика: Сб. статей. – Мн.: БГУ, 2003. – 232 с.

2. Кутузова Д.А. Психосоциальная реабилитация людей, переживших пытки. – Информационно-аналитический бюллетень фонда "Общественный Вердикт", 2008, №1 (5), стр. 10-12
3. Кутузова Д.А. Психологическая помощь: на стороне социальных реформ или социального контроля? - Современная критическая социальная работа за рубежом // Консультативная психология и психотерапия. 2009, №4. – С. 166-187 (<http://psyjournals.ru/mpj/2009/n4/Kutuzova.shtml>)
4. Кутузова Д. А. Нарративный подход в работе с квир-сообществом. - Возможен ли «квир» по-русски? ЛГБТК исследования. Междисциплинарный сборник / Сост. и ред. В. Созаев. – Санкт-Петербург, 2010. – 256 с.
5. Москвичев В.В. Нарративная терапия: реализация практики уважения. Тематический выпуск электронного журнала PSYEDU.ru «Основные направления развития современной психологии» №5-2010 <http://psyedu.ru/journal/2010/5/Moskvichev.phtml>
6. Москвичев В.В. Неизвестная социальная работа: практика социальной работы с семьями в кризисной ситуации. // Семейная психология и семейная терапия. 2014, №1. - стр. 74-96
7. О нарративной практике, терапии и работе с сообществами - по-русски (сайт): <https://narrlibrus.wordpress.com/>
8. О неприглядности феминизма. - The Village. - <http://www.the-village.ru/village/city/city-news/162785-что-нового-genderolog>
9. Положение лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров в России в 2011-2012 гг.: Результаты исследований/ Под ред. Валерия Созаева. – СПб.: Российская ЛГБТ-сеть, 2013. – 336с.
10. Созаев В. ЛГБТ-движение в России: портрет в интерьере // Гендерные исследования. 2010. №20-21. - с. 90-126
11. Созаев В., Семёнова С., Гудзовская Н. ЛГБТ-родительство: проблемы, потребности, перспективы / Под ред. В. Созаева. – СПб.: Российская ЛГБТ-Сеть, 2-е издание, 2012. – 76 с.
12. Сообщество "Нарративная практика" (сайт): <http://narrativepractice.ru/conferences/>
13. Федеральный закон Российской Федерации от 29 июня 2013 г. N 135-ФЗ. - <http://www.rg.ru/2013/06/30/deti-site-dok.html>
14. Фуко, Мишель. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. - М.: «Ad Marginem», 1999. - 480 с.
15. Что такое феминизм в России? Анна Наринская объясняет, почему у нас никого не интересует положение женщины. - COLTA.RU, 13 февраля 2014. <http://www.colta.ru/articles/specials/2038>
16. Шанин Т., Социальная работа как культурный феномен современности. – Русский журнал, 26.09.97, <http://old.russ.ru/journal/inie/97-09-26/shanin.htm>
17. Шлиппе А. ф., Швайтцер Й. Учебник по системной терапии и консультированию. – М.: Институт консультирования и системных решений, 2007. – 363 с.
18. Шляпа и баян. 2012, №1. http://rylkov-fond.org/files/2014/02/SHB_v4.pdf
19. Allan J., Pease B., Briskman L. (Eds.) 2003: Critical Social Work: an introduction to theories and practices. Allen & Unwin.
20. Denborough, D. 2008: Collective Narrative Practice. Adelaide: Dulwich Centre Publications.
21. Denborough, D. Michael White and Adventures Downunder. Australian and New Zealand Journal of Family Therapy 2014, 35, 110–120
22. White, Michael. 2004: Narrative Practice and Exotic Lives: Resurrecting diversity in everyday life. Adelaide: Dulwich Centre Publications.